

Старший брат Чжан, поджав ноги, съёжился у ног Тан Шаотана и принялся торопливо шептать, так, что слышно было лишь ему:

— Я вас случайно на дороге подобрал, это точно не было подстроено, одно сплошное недоразумение. Пользуйтесь моментом и уходите, только, умоляю, не возвращайтесь потом мстить.

Старший брат Чжан лучше всех умел оценивать обстановку. Даже его наставник в своё время не справился с противником, так какие же шансы у них, учеников, собравшихся вместе? К чему лезть на рожон, зная, что победить не удастся? Неужели им непременно нужно превратить церемонию омовения рук в золотом тазу в побоище с разбитым тазом и пролитой кровью?

Младшая сестра-ученица, видя, как брат Чжан искренне вопит, сжавшись на земле, не выдержала и бросилась вперёд, выхватив меч, но кто-то мягко остановил её, неторопливо вложив клинок обратно в ножны.

— Старший брат? — удивилась она.

Молодой человек, до этого молча поддерживавший Лянь Циншаня, теперь шагнул вперёд. Обращаясь к гостям, он заговорил вежливо и почтительно:

— Сегодня — церемония омовения рук нашего наставника, негоже затевать распри. Мы не станем принимать меры, что вы трое представились учениками Братства Нищих. Пожалуйста, удалитесь поскорее. Откройте им ворота.

Хотя весь этот переполох устроили его же собственные младшие брат и сестра по школе, он заявил, будто это гости намеренно прикинулись нищенствующими бойцами, чтобы устроить скандал, а сам великодушно их отпускает. Выходило довольно бесстыдно.

Но этот бесстыдный старший брат сиял безмятежной улыбкой и, словно весенний ветерок, добавил:

— А этот юноша кажется мне знакомым. Неужели это давно не виданный младший племянник Фань Сяо?

Фань Сяо формально не вступал в школу Бэйван, но когда-то его отец, Фань Цзэчэн, в пору братских отношений с Лянь Циншанем, всерьёз заявлял, что хочет стать учеником Бэйван и постигать искусство под началом Лянь Циншаня. Позже, когда школа пришла в упадок, эти слова сочли шуткой и не исполнили. Но раз клятва благородного мужа весома, будь она хоть в шутку сказана, если школа Бэйван возьмёт да признает эти слова истиной и примет Фань Цзэчэна в ученики, то тот станет внешним учеником Лянь Циншаня, ровней этому самому старшему брату, а его сын, соответственно, окажется младшим племянником.

— Э-э... — проямлил Фань Сяо.

С неба свалился дядя-наставник, да ещё и узнал его. Фань Сяо слегка растерялся, тут же попался на удочку, схватил Тан Шаотана и потащил к выходу.

Увидев, как Тан Шаотана безмолвно выпроводили за дверь, старший брат едва облегчённо вздохнул, как заметил, что А Цзю не ушёл и смотрит на него с лёгкой усмешкой.

Старший брат, стараясь сохранить спокойствие, спросил:

— Чем могу служить, уважаемый господин?

А Цзю перевёл взгляд на Лянь Циншаня, сидевшего в кресле. Несколько учеников уже поднесли ему чай, а в толпе кто-то, получив от учеников Бэйван записку, читал по бумажке утешительную речь, уговаривая Лянь Циншаня оставить дразги реки и озера и поскорее приняться наслаждаться счастьем в кругу семьи. Картина была душевной и тёплой.

А Цзю промолчал.

Выходит, на свете бывают и такие наставники. Хоть боевое искусство у них посредственное, и способности не ахти, зато они могут воспитать учеников, что становятся друг другу родней, окружают своего учителя заботой, убаживают его, оберегают изо всех сил, боясь хоть чуточку его расстроить. Даже неуклюжая ложь, которую сочинил их старший брат, наверное, была нужна, чтобы обмануть этого старика. Чтобы он не узнал, что весь этот шум и пышность — всего лишь обман. Среди всей этой праздничной суеты лишь несколько его учеников были по-настоящему искренни.

Если искренность и впрямь порождает искренность, то этот «неудачливый» предводитель, не снискавший славы в мире реки и озера, в глазах своих учеников, должно быть, был прекрасным наставником.

А Цзю махнул рукой:

— Мне нечему учить вас. Скорее, я сам кое-чему научился.

Он подумал, что Тан Шаотану, наверное, не довелось встретить такого учителя.

Ему тоже не посчастливилось.

Проводив незваных гостей, старший брат школы Бэйван тут же опустился на колени перед наставником, прося о наказании:

— Ученик самовольно принял решение, прошу наставника покарать меня.

Лянь Циншань смотрел на медленно закрывающиеся ворота, и неохотная досада в его глазах постепенно сменилась грустью.

— Нет, не вини себя. Ты поступил правильно, оказался рассудительнее своего учителя. Сегодня я был слишком опрометчив, чуть не навредил вам и позволил братьям по Уся посмеяться над нами.

Как мог Лянь Циншань, сражавшийся с Тан Шаотаном, не понять: если дело дойдёт до настоящей схватки, вряд ли кто-то из присутствующих окажется ему под стать. Времена меняются, и упорно цепляться за былые победы и поражения — лишь навлекать на себя позор. Он давно уяснил, что в этом мире всегда найдутся один-два человека, щедро одарённых небесами, оставляющих других далеко позади. Таким был, например, его младший брат по школе, Чи Фэнлань.

Увы, хоть талант его младшего брата и был дарован небом, в своё время он не смог пройти долгий путь. Интересно, сумеет ли этот юноша избежать такой же участи?

Лянь Циншань тяжело вздохнул, переполненный чувствами:

— Я уже решил омыть руки в золотом тазу, к чему же мне вновь цепляться за дела реки и озера?

Старший брат Чжан, который до этого валялся на земле, вопя от боли, вскочил, словно рыба на сковороде, подбежал к младшей сестре и принялся шептаться:

— Конец, конец! Каждый раз, как наш старик говорит «ах, увы и ах», он ноет потом целых полчаса.

Младшая сестра топнула ногой:

— Старший брат Чжан, что за ерунду ты опять несёшь! Разве можно так употреблять «увы и ах»?

Старший брат, сидевший в первом ряду и внимательно слушавший наставника, обернулся и бросил на двоих взгляд, веля замолчать. Они тут же выпрямились и привычным жестом «зашили» себе рты.

Как и предсказывал брат Чжан, Лянь Циншань потратил полчаса на воспоминания о прошлом и размышления о жизни. Лишь когда один из гостей нетерпеливо зевнул, он вдруг осознал, сколько времени прошло, и, слегка откашлявшись, вернулся к сути дела.

— Гаотянь, слова брата Цзэчэна о вступлении в нашу школу были всего лишь шуткой. Впредь не вспоминай о них.

Старший брат Чу Гаотянь почтительно склонил голову:

— Как прикажете, наставник.

Лянь Циншань добавил:

— Кстати, ты хорошо рассмотрел? Тот юноша, что был с Вопросающим об именах, и впрямь младший сын семьи Фань?

В уезде Ланьпин все знали: старший сын семьи Фань, Фань Мин, статен, умен и силён, три года назад отправился путешествовать для учёбы и до сих пор не вернулся. Младший же, Фань Сяо, озорной и непослушный, вечно сбегает из дому.

Чу Гаотянь ответил:

— Ученик несколько раз видел младшего господина Фаня. Возможно, он меня не запомнил, но я его не спутаю.

— Вот как... — произнёс Лянь Циншань. — Он с Вопросающим об именах, и мне от этого беспокойно. Сходи-ка ты...

Лянь Циншань уже собирался отдать распоряжение, но взгляд его упал на золотой таз, что стоял неподалёку, ещё не успевший появиться на сцене, и он передумал.

— Кхм. Лучше устрой всё сам. Проследи за ним и передай от меня брату Цзэчэну.

— Слушаюсь, наставник.

Лянь Циншань поднял голову к безоблачному небу и под полными ожиданиями взглядами собравшихся торжественно объявил о начале церемонии омовения рук в золотом тазу.

Пришло время.

Хотя он выглядел старше своих лет, возраст его был ещё не так велик. Среди предводителей школ реки и озера хватало тех, кому за пятьдесят, но кто по-прежнему крепок и бодр. Однако он уже смирился со старостью. С того самого дня, когда он потерпел поражение от Вопрошающего об именах, его сердце состарилось. Все думали, что его гложет слово «поражение», но на самом деле над ним довлело другое слово — «страх».

Перед молодыми страшно, а я уже увядаю.

Теперь он вручал будущее детям, что сам же и воспитал.

Лишь бы жизнь их была мирной и благополучной, а дорога впереди — светлой.

...

За красными лакированными воротами младший господин Фань, не желавший возвращаться домой, предпринимал последние отчаянные попытки: уговаривал Тан Шаотана следовать его указаниям и пойти не туда. У молодого господина не было особых талантов, зато водились деньги. Он рассудил, что раз уж они в уезде Ланьпин, значит, на своей земле, и можно, предъявив лицо, получить в конторе крупную сумму и сбежать. Главное — отделаться от докучливых Тан Шаотана и А Цзю.

Помня, что А Цзю уже прихватывал его банкноты, он решил подкупить Тан Шаотана.

— Ну, говори, чего ты хочешь? Сколько бы ни стоило.

Тан Шаотан покачал головой.

— Не может быть, чтобы ничего! Может, тебе что-нибудь интересное нравится? Или, скажем, знаменитые свитки, картины? Подлинники я тоже смогу раздобыть!

Тан Шаотан снова покачал головой.

— А еда? Редкие деликатесы? Какого знаменитого повара пригласить — найму!

В ответ — третье качание головы.

Фань Сяо не сдавался. Его вопросы, начавшиеся как упорядоченные, из-за череды неудач постепенно превратились в безрассудное фантазёрство:

— Боевые манускрипты?

— Легендарное оружие!

— Высокие чины и богатство?

— Власть над рекой и озером!

— Горы золота и серебра?

Фань Сяо «изрекал детскую мудрость», врал, не моргнув глазом, и не боялся, что его наглые фантазии лопнут, как мыльный пузырь. Но Тан Шаотан не поддавался: сколько бы тот ни старался, раздувая свои фантазии до небес, он оставался невозмутим.

<http://bllate.org/book/16258/1462666>